

Глава 1

Муза дальних странствий

Все шестеро мужчин были в белых полотняных костюмах, украшенных красными платками и поясами. Вскоре им предстояло пробежать без малого километр, удирая от стада быков, поэтому костюмы они носили свободные, не стесняющие движений. Глядя на них, Быков не мог отделаться от мысли, что очень скоро на белых одеждах храбрецов красного станет гораздо больше.

Каждый год во время фестиваля Сан-Фермин погибали люди. Как правило, это были энтузиасты, решившиеся пробежаться вместе с шестеркой по знаменитой улице Эстафета. Ее следовало назвать Эстафетой Смерти, и это не было бы преувеличением. Бывали годы, когда сразу два десятка человек отправлялось отсюда в больницы или напрямик на кладбище. Сотни мужчин, толпой удирающих от разъяренных быков, мешали друг другу, толкались, топтали упавших и инстинктивно старались спрятаться за спины соседей. Это лишь усложняло их задачу: уцелеть во время забега на восемьсот двадцать пять метров.

Мероприятие называлось *энсьерро*, длилось около трех минут и проходило по нескольку раз в день на протяжении недели. Задачей участников было добежать от загона до арены, не угодив под рога и копыта дюжины животных, общий вес которых составлял около семи тонн. К соревнованию допускались все представители мужского пола, достигшие совершеннолетия и без очевидных физических недостатков. Те, кто не был уверен в своей ловкости, смелости и удачливости,

наблюдали за происходящим из-за ограждения или свесившись из окон и с балконов над узкой улочкой. Быков гнали специальные пастухи-пасторы, вооруженные длинными палками. Если им не удавалось наставить рогатую паству на путь истинный, быки поворачивали обратно или прорывались на соседние улицы, и тогда количество жертв значительно возрастало — соответственно, праздник считался особенно удачным.

Быкову даже в голову не приходило, что сегодня ему суждено оказаться в самой гуще событий. Будучи известным и весьма востребованным фотографом с мировым (наконец-то!) именем, он прибыл в Памплону для того, чтобы запечатлеть главное событие фиесты, а заодно и карнавалы, представления, корриды и концерты, которые ежегодно проходили здесь с 6 по 14 июля.

В настоящий момент он, стараясь не привлекать к себе внимания, снимал «великолепную шестерку», разминаящуюся перед забегом. Осмотр одного из древнейших городов Испании, прославленного Хемингуэем, Быков отложил на потом. Конечно, он уже полюбовался вершинами Пиренеев, синеющими над красными черепичными крышами, проникся неповторимой атмосферой гордой провинции Наварра, успел потоптать булыжные мостовые и составил список достопримечательностей, обязательных для осмотра. Но сейчас все его внимание было поглощено приготовлениями к энсьерро.

Испанцы негромко о чем-то переговаривались, целовали нателные крестики, подпрыгивали, высоко поднимали ноги и приседали. Под масками бравады на их лицах все отчетливее проступала тревога. Вот ее-то и стремился уловить и передать Быков, переходивший с фотоаппаратом из одного угла в другой. Репортаж был заказан и оплачен журналом «Менс Вью», а там любили подчеркнуто мужественные снимки с крупными планами, контрастными тенями и неожиданными ракурсами.

Потом Быков намеревался переместиться к загонам, чтобы отснять самое начало состязания, когда двенадцать быков будут выпущены на свободу. Учитывая все это, он решил обойтись без штатива, который помешал бы передвигаться с достаточным проворством. По этой же причине Быков ограничился одним «Никоном» со сменными объективами. Лишние пятнадцать килограммов не позволяли принять участие в общем забеге, но все равно ему предстояло находиться совсем рядом с быками, которым неизвестно что взбредет в их рогатые головы. А вдруг он им чем-то не понравится? В этом случае Быкову придется проявить завидное проворство, чтобы успеть ускользнуть в укрытие для прессы. И ему вовсе не улыбалось на бегу цепляться за все штативом или дополнительными фотоаппаратами.

В груди у него похолодело, когда шестерых испанцев пригласили на выход. В открытую дверь хлынул гул огромной толпы. Пройдя по длинному дощатому коридору, Быков прищурился от солнца и рева голосов, предвкушающих любимую национальную забаву. Дудели трубы, гремели барабаны, визжали самые экзальтированные любители острых ощущений.

Большинство из тех тысяч мужчин, которые образовали живой коридор возле загонов, были в таких же белых одеяниях, как шестерка заводил, приготовившаяся возглавить забег. Красные платки на шеях делали их похожими на пионеров из советской хроники.

Пока Быков озирался, его вытолкали на середину улицы. Налегая широкой спиной на находящиеся позади, он принялся выбирать на более безопасное место. Громкоговоритель что-то закричал возбужденным мужским голосом, тут же утонувшим в общем восторженном реве.

Быков перестал пятиться, чтобы не очутиться слишком далеко. Его обступила волнующаяся толпа, наэлектризованность которой была столь сильной, что, казалось, еще не-

много, и начнут проскакивать молнии. Лица окружающих выглядели очень похожими из-за одинакового выражения на них.

Рядом с Быковым вертелся черноглазый парень, выделявшийся в толпе красной рубахой. Его густые жирные волосы блестели на солнце. Дохнув чесноком и пивом, он что-то протараторил и толкнул Быкова локтем в бок. Пришлось изобразить ответную улыбку. Она так и застыла под раздвинувшимися усами Быкова, когда заслонки, преграждавшие путь быкам, рывками поползли вверх.

Дружное «аххх» сопровождало появление главных участников шоу. Огромные животные с широко расставленными рогами, оскальзываясь на гладких камнях, вырывались из темных, тесных загонов и бешено вращали глазами, выбирая, на ком сорвать злость.

Вскинув «Никон», Быков принялся лихорадочно снимать кадр за кадром. Он ловил в видоискатель клейкую слюну, падающую с морд быков, их огромные рогатые морды, раздутые ноздри, чудовищные мышцы, перекатывающиеся под атласными шкурами черного, бурого и бежевого цвета. В неподвижном разогретом воздухе плыл резкий звериный запах.

Люди в белом, находившиеся прямо перед стадом, закричали, затопали, замахали руками, привлекая к себе внимание. Долго дразнить быков им не пришлось. Один из них неожиданно вырвался вперед и ударил обидчика головой. Плавно изогнутый рог длиной с половину мужской руки не задел беднягу, но самого толчка хватило, чтобы он отлетел в сторону, как будто его дернули за веревку.

Быков успел заснять это мгновение, после чего фотоаппарат исчез из его пальцев. Глупо вытаращившись, он увидел удаляющуюся спину в красной рубахе с темным пятном между лопатками. Похищенный «Никон» не только стоил больших денег, но и содержал в себе множество бесценных снимков. Не раздумывая, а просто подчиняясь собственни-

ческому инстинкту, Быков бросился вдогонку. И тут, словно по сигналу, вся масса народу, придя в движение, устремилась в узкий проход между домами. Быки мчались следом, угрожающе всхрапывая и вразной долбя копытами булыжник мостовой.

Человеку, придумавшему выражение «бег ради жизни», стоило бы посмотреть на эту картину! Все смешалось на улице, все пришло в движение и полный беспорядок. Зрители, выстроившиеся вдоль мостовой, орала, одновременно подавались вперед и так же дружно пятились, когда быки проносились слишком близко.

Никакого порядка в этом хаотичном движении не было. Животные и люди смешались в кучу, катившуюся по улице подобно бурлящему потоку, стесненному каменными берегами. Один бык бежал слева от Быкова, едва не задевая его острием рога, кто-то толкал его в спину, кто-то путался под ногами. Приходилось то и дело перепрыгивать через упавших и прилагать отчаянные усилия, чтобы не растянуться самому. При этом Быков еще и умудрялся не терять из виду красную рубашку, маячившую впереди.

Он не помнил, чтобы когда-нибудь бегал так быстро, как теперь. Даже в детстве, когда за ним гнались малолетние хулиганы или пьяные взрослые. Ноги едва успевали переступать под тяжестью его девяностокilограммового тела, норовя подогнуться, чтобы им дали передышку. Но остановка была смерти подобна — в самом буквальном смысле этого слова.

Бык, скакавший слева, теперь вилял поджарым задом прямо перед Быковым, а позади — он ощущал это по горячему дыханию в спину — пристроился другой, грозя поднять его на рога или смять под копытами. Воздух в груди закончился, и взять его было неоткуда. Легкие работали почти вхолостую, производя звуки, напоминающие пыхтение старенького велосипедного насоса.